

О. Г. Усенко (г. Тверь)

ИЗУЧЕНИЕ РОССИЙСКОГО САМОЗВАНЧЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Научное изучение российского самозванчества началось в середине XIX в. На сегодняшний момент ситуация такова, что существенное приращение знаний в этой области невозможно без расширения фактической базы исследований и без ревизии применяемых методологий во имя консенсуса – сближения теоретических позиций и точек зрения учёных на изучаемый феномен. Именно

[с. 34]

отсутствием такого консенсуса можно объяснить мизерное количество обобщающих работ по теме¹ и недостаточность имеющихся теоретических наработок.

Конечно, универсального «инструментария» нет и не может быть. Однако в структурном плане каждую методологию можно представить как единство исследовательского подхода и методики. Подход составляют исходные положения (постулаты и принципы исследования), а также соответствующая данной проблеме терминология.

Начнём с разговор с ключевого понятия – «самозванец». В историографии господствует постулат, что не каждый человек может стать самозванцем, поэтому одним из принципов исследования становится априорная сортировка изучаемых персонажей.

Изначально «кандидаты в самозванцы» делятся на «психически здоровых» и «больных», причём последние чаще всего остаются за рамками исследования.

Такой подход, по сути, антиисторичен, ибо исследователи оценивают поступки людей прошлого на основе своих собственных представлений и не учитывают относительности представлений о психической норме². К тому же сведения источников чаще всего не позволяют сделать однозначный вывод о психическом состоянии интересующего нас персонажа³.

Кроме того, априорной сортировке подвергаются и «нормальные». Если одним исследователям для отнесения человека к самозванцам достаточно лишь сказанных им слов – публичного притязания на не принадлежащие ему имя и/или статус⁴, то другим авторам слов мало – нужны ещё и целенаправленные действия со стороны индивида, подкрепляющие сказанное им⁵.

Далее, подавляющая часть авторов уверены, что переход в самозванцы совершается на трезвую голову и в результате осознанного решения. Лишь некоторые полагают, что самозванцем вполне можно стать и пребывать в состоянии аффекта и/или алкогольного опьянения. Но и в этом случае лицам, повинным лишь в «пьяной болтовне», внимание уделяется редко⁶. При этом в литературе господствует постулат, что самозванец играет свою роль всерьёз. Однако для ряда авторов самозванческой оказывается и роль главного персонажа некоторых фольклорных игр – например, «игры в царя»⁷.

Наконец, имеет место и фактическая выбраковка самозванцев по их «значительности». Издавна вызывают интерес главным образом участники движений социального протеста в России XVII–XIX вв., т. е. лжемонархи и/или лжехристы, лжепророки, лжесвятые. Соответственно в политическом плане деяния самозванцев и их сторонников трактуются как проявление анархии или же как сознательная борьба за власть. Однако далеко не все российские лжемонархи были связаны с

¹ См.: Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 88–135; Низовский А. Русские самозванцы. М., 1999; Юзефович Л. А. Самые знаменитые самозванцы. М., 1999; Szvák G. False tsars. Boulder; Wayne, 2000.

² См.: Менделевич В. Д. Психиатрическая пропедевтика. М., 1997. С. 253–269; Личность, культура, этнос. М., 2001. С. 339–340, 349–350, 361–404.

³ См.: Соловьёв С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1991. Кн. 7. С. 129; Сивков К. В. Указ. соч. С. 113 (прим. 120), 123–124; Покровский Н. Н. Самозванный сын Петра I // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 188; Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 44, 47, 383–386, 388; Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 124–127, 134; Курукин И. В. Поэзия и проза Тайной канцелярии // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 132–133.

⁴ См.: Сивков К. В. Указ. соч. С. 124, прим. 160; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 121, 129–130; Покровский Н. Н. Обзор судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 51; Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 43–47; Лукин П. В. Указ. соч. С. 112–163; Курукин И. В. Указ. соч. С. 132–133.

⁵ См.: Щербатов М. М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774; Соловьёв С. М. Заметки о самозванцах в России // Русский архив. 1868. Т. 2; Кубалов Б. Сибирь и самозванцы // Сибирские огни. 1924. № 3; Троицкий С. М. Самозванцы в России XVII–XVIII веков // Вопросы истории. 1969. № 3; Успенский Б. А. Царь и самозванец // Он же. Избранные труды. М., 1994. Т. 1; Васецкий Н. А. Самозванцы как явление русской жизни // Наука в России. 1995. № 3.

⁶ См.: Сивков К. В. Указ. соч. С. 89; Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 45–46; Лукин П. В. Указ. соч. С. 11, 104, 122–123, 134–136, 139–149, 153–161; Разорёнова (Козлова) Н. В. Из истории самозванства в России 30-х годов XVIII в. // Вестник Московского ун-та: Серия истории. 1974. № 6. С. 54; Андреев И. Л. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание – сила. 1995. № 8. С. 47.

⁷ См.: Троицкий С. М. Указ. соч. С. 139; Успенский Б. А. Указ. соч. С. 82–84; Мауль В. Я. Социальная психология участников народных движений в России XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996. С. 15; Он же. Харизма и бунт. Томск, 2003. С. 11; Лукин П. В. Указ. соч. С. 67–68, 163–168; Панасюк В. В. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Образование и общество. 2004. № 1. С. 116–117.

[с. 35]

движениями социального протеста. Некоторые вообще имели узкокорыстные интересы. Политически пассивными были, как правило, и самозванцы религиозного типа⁸.

подавляющее большинство работ по интересующей нас теме базируются, помимо прочего, на постулате, что «российское» тождественно «русскому» или хотя бы «славянскому». В результате игнорируются сведения о российских самозванцах азиатского происхождения и/или нехристианского вероисповедания – таких, как, например, Карасакал⁹.

С другой стороны, часть авторов причисляет к «российским/русским» самозванцам и тех, которые действовали за пределами своего настоящего или мифического отечества, но своими притязаниями были непосредственно с ним связаны – к примеру, претендовали на его трон¹⁰.

Противоречивость исходных положений дополняется господствующей в историографии терминологической неразберихой.

В русскоязычной литературе используются три внешне сходных термина: «самозванчество», «самозванство» и «самозванщина». Хотя мало кто считает эти термины синонимами, всё равно они оказываются таковыми, ибо их применяют и тогда, когда в центре внимания – индивид (самозванец), и тогда, когда рассматривается общественная реакция на его «проявление»¹¹.

В зарубежной историографии ситуация сходная: для маркировки жизнедеятельности как самозванца, так и тех, кто вошёл с ним в контакт или слышал о нём, применяются одинаковые термины. Например, во французской литературе используются слова «une imposture» и «une prétention»¹², а в англоязычной – «an imposture», «a pretension», «a pretence», «a pretendship», «a phenomenon of pretence», «a pretender phenomenon»¹³.

Кроме того, и в отечественных, и в зарубежных публикациях господствует презумпция, что любое именование себя титулом или эпитетом, которые в массовом сознании увязываются с верховным правителем или членом его фамилии, превращает человека в самозванца высшего светского уровня¹⁴. Однако эта аксиома лишь на первый взгляд кажется очевидной.

На уровне методики общим недостатком работ, посвящённых российскому самозванчеству, является преобладание описания и повествования над анализом и обобщением. Единственное исключение – статья Ф. Лонгуорта, но, к сожалению, она содержит целый ряд ошибок¹⁵.

Ещё один распространённый недостаток – применение типологического метода без указания и обоснования критериев классификации.

Исследователи говорят о «светском» и «религиозном» самозванчестве, о «нижнем (народном)» и «верхнем», выделяют среди самозванцев сознательных обманщиков и тех, кто искренне заблуждался на свой счёт. «Обманщики», в свою очередь, делятся на «авантюристов» (корыстолюбцев) и «народных заступников». И всё же самозванческая типология, хотя и выглядит разработанной, на деле оказывается в значительной мере голословной.

⁸ См.: Сивков К. В. Указ. соч.; Низовский А. Указ. соч.; Реутский Н. В. Люди божьи и скопцы. М., 1872; Кутепов К. Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882; Панченко А. А. Христовщина и скопчество. М., 2002.

⁹ См. о нём: Игнатъев Р. Г. Карасакал, лжехан Башкирии // Труды Научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БССР. Стерлитамак, 1922. Вып. 2. С. 38–66; Моисеев В. Степной самозванец // Простор. 1984. № 6. С. 200–204.

¹⁰ См.: Соловьёв С. М. Заметки о самозванцах в России; Троицкий С. М. Указ. соч.; Юзефович Л. А. Указ. соч.; Низовский А. Указ. соч.; Титков Е. П., Кауркин Р. В. Самозванчество в России в XVII в. // Вопросы всемирной и российской истории. Арзамас, 2002.

¹¹ См.: Усенко О. Г. Кто такой «самозванец»? // Вестник славянских культур. [М.], 2002. № 5–6. С. 39–42.

¹² См.: Chaudon E.-J. Les imposteurs démasqués et les usurpateurs punis... P., 1776; Paviel A. Les imposteurs. P., 1936; Bercé Y.-M. Le roi caché: Sauveurs et imposteurs. P., 1990.

¹³ См.: Szvák G. Op. cit.; Cherniavsky M. Tsar and People. New Haven; L., 1961; Stanly B. R. Royal Mysteries and Pretenders. L., 1969; Avrich P. Russian Rebels. N.Y., 1972; Longworth Ph. The Pretender Phenomenon in Eighteenth-Century Russia // Past and Present. 1975. № 66. P. 61–83.; Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976.

¹⁴ См. сноску 4, а также: Реутский Н. В. Указ. соч. С. 37; Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30-50-х годах XVIII века. М., 1958. С. 325–326.

¹⁵ См.: Усенко О. Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. // Россия в XVIII столетии. М., 2004. Вып. 2. С. 295.

Каковы же пути решения указанных проблем? Если говорить о постулатах и принципах исследования, то, во-первых, нужно помнить, что самозванчество – универсальный феномен, что им отмечена история многих народов начиная с Древнего мира и кончая современностью¹⁶.

Во-вторых, надо учитывать, что нигде и никогда это явление не было столь распространённым и не играло такой значительной роли в отношениях между государством и обществом, как в России XVII–XX вв. При этом речь идёт о самозванцах не только низшего и среднего уровня (лжедворянах, псевдочиновниках, фальшивых архиереях, священниках и т. п.), но и высшего разряда – лжемонархах, а также «богах», «пророках», «апостолах» и «святых»¹⁷.

В-третьих, стоит взять за постулат, что самозванчество – это социокультурное явление. Эпитет «социокультурный» маркирует всё, что относится к понятию «культура в широком смысле этого слова», – всё, что связано с общественно обусловленной и социально значимой жизнедеятельностью в рамках конкретно-исторической общности и не ограничивается лишь сферой искусства.

Исходя из этого принципом исследования российского самозванчества должно стать рассмотрение менталитета, характерного для представителей данной группы в данное время¹⁸. Так, можно считать уже доказанным, что ментальной основой монархического и религиозного самозванчества в России XVII–XIX вв. были фольклорные представления о Боге, монархе и власти, а также традиционный (по сути, средневековый) «стиль мышления»¹⁹.

В-четвёртых, к исследовательским постулатам нужно отнести тезис, что грань между «психической нормой» и «патологией» исторически изменчива. Строго говоря, уже сам переход в самозванцы есть отклонение от нормы. Но в таком случае нужно или признать, что самозванцев как таковых нет, или допустить возможность того, что среди них окажутся люди, которые кажутся сейчас или казались ранее «ненормальными»²⁰.

В-пятых, надо взять на вооружение принцип историзма в его современной трактовке. Исследователь, фиксируя то, что отличает от него людей прошлого как представителей иной эпохи (культуры), должен искать не просто объяснение «чуждому» и «непривычному», но объяснение, соответствующее критериям изучаемой эпохи (культуры). При этом следует избегать оценок типа «плохое – хорошее», «отсталость – цивилизованность» и т. п.

Например, нам будет легче определить, кто такой самозванец вообще, если мы примем во внимание, что российское законодательство XVII–XIX вв. отличало его от человека, повинного в «непригожих (непристойных) речах». Речь идёт о словах, которые быстро забывались или дезавуировались тем, кто их произносил, и не подкреплялись никакими действиями с его стороны для утверждения себя в той роли, которую он вроде бы только что принял²¹.

Принцип историзма помогает найти путь и к верному пониманию того, кто такой «самозванец религиозного типа».

¹⁶ См.: Chaudon E.-J. Op. cit.; Юзефович Л. А. Указ. соч.; Макушев В. В. Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV и XVI веках // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. № 10. С. 323–325; Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времён до начала XIX века). Кишинёв, 1961. С. 53–69; Дорофеев В. В. Самозванцы (к истории появления слова). Оренбург, 1994; Чеснокова Н. П. Самозванцы в Византии // Византийские очерки. М., 1996.

¹⁷ См.: Реутский Н. В. Указ. соч.; Кутепов К. Указ. соч.; Чистов К. В. Указ. соч.; Низовский А. Указ. соч.; Панченко А. А. Указ. соч.; Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. СПб., 1868. Т. 1; Мордовцев Д. Л. Политические движения русского народа. СПб., 1871. Т. 2. С. 116–179; Он же. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 20. С. 29–48; Короленко В. Г. Современная самозванщина // Русское богатство. 1896. № 5, 8; Прыжов И. Г. История кабаков в России. М., 1992; Алексеев В. В., Нечаева М. Ю. Воскресшие Романовы? Екатеринбург, 2000. Ч. 1.

¹⁸ См.: Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999.

¹⁹ См.: Короленко В. Г. Указ. соч.; Чистов К. В. Указ. соч.; Успенский Б. А., Лотман Ю. М. Миф – имя – культура // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1; Усенко О. Г. Самозванчество на Руси:

норма или патология? // Родина. 1995. № 1, 2; Он же. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь, 1997. Ч. 3. С. 36–74.

²⁰ См.: Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 120.

²¹ См.: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 53–72; Лукин П. В. Указ. соч. С. 9–15, 18–169; Колокольцов В. Б. Законодательство Российской империи о самозванстве // Законодательство Российской Империи о дворянстве и современное российское дворянство. СПб., 1996; Симченко Ю. Б. Анализ политических и государственных процессов 1630–1640-х годов по книге Н. Новомбергского // Русские: историко-этнографические очерки. М., 1997. С. 48–50.

[с. 37]

С точки зрения официальной церкви человек может стать лишь святым, но не Богом, не архангелом и не апостолом. Самозванец же – тот, кто притязает на указанный сакральный статус, не получив церковного признания. В то же время для представителей оппозиционных конфессий этот человек может представать как самый настоящий посланник небес, а самозванцами будут уже все те, кто выступает от имени официальной церкви. Проблема усложняется тем, что некоторые святые канонизировались церковью спустя сотни лет после своей смерти, хотя ещё при жизни получали признание в народе; формально же до момента канонизации они являлись обычными людьми. Наконец, для атеиста вообще не существует святых, а значит всякие, кто именуется подобным образом, в его глазах могут быть самозванцами.

Думается, что разумен следующий подход. Если мы изучаем религиозное самозванчество в России XVII–XIX вв., то имеем дело с традиционной культурой, а значит с глубоко верующими людьми, и если мы хотим смотреть на мир их глазами, то позиция атеиста нам не подходит. И хотя взгляды религиозных диссидентов тоже заслуживают уважения, целесообразно стать на точку зрения официальной церкви, согласно которой ни один человек не может быть Мессией, ибо Иисус – Богочеловек; ни один смертный не может обладать пророческим даром, ибо последними пророками были апостолы; никто из живших на земле не имеет права считаться святым без церковного удостоверения в причастности его к Богу²².

В-шестых, большие перспективы сулит применение принципа системности.

Прежде всего он заставляет воспринимать всех самозванцев как членов единого сообщества и выявлять в нём структурные компоненты. Например, мы разделяем самозванчество на «светское» и «религиозное», но нередко бывало так, что один и тот же человек был «двуликим» – выдавал себя, к примеру, за царя и пророка. Поскольку и монархическое, и религиозное самозванчество связаны с обнаружением у их инициатора сверхъестественных черт²³, допустимо обозначать их единым термином «сакральное самозванчество».

Кроме того, поведение самозванца надо рассматривать в единстве с реакциями на его действия со стороны окружающих и властей, при этом чётко различать периоды его пребывания в мифической и подлинной ипостасях.

Бывали случаи, когда после саморазоблачения бывший самозванец принимался за старое – вновь начинал выдавать себя за обладателя неподобающего статуса, причём нередко обретая сторонников. Такие рецидивы логично отделять от первоначальных походов и учитывать отдельно. Для обозначения каждого такого событийного блока предлагается термин «случай самозванчества» (синоним – «проявление»).

Принцип системности заставляет рассматривать жизнедеятельность самозванцев и их сторонников как единство мышления, эмоций и поведения, которые, в свою очередь, являются собой сплав уникального и типичного.

Слова и поступки изучаемых персонажей воспринимаются как некий текст, понимание которого требует познания чужой психики и выявления социокультурных факторов её формирования и бытия. Стоит помнить, что психика индивида не является всецело

уникальным образованием, т. к. многие черты её в той или иной мере социально обусловлены и хотя бы частично представляют собой закономерное и типическое явление.

Нужно обращать внимание не столько на изначальные мотивы самозванца, сколько на его поступки и публичные заявления во время и после «явления народу», а также на реакцию других людей. Ведь самозванец мог под влиянием окружающих и/или обстановки изменить свои первоначальные планы.

Наконец, принцип системности подталкивает к тому, чтобы увязать воедино ключевые термины, которые в литературе прилагаются к деяниям самозванцев и их последователей. Основанием

²² См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 1922–1924; Живов В. М. Святость. М., 1994. С. 93.

²³ См.: Успенский Б. А. Указ. соч.; Плюханова М. Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 1982.

такой систематизации может стать различие психических феноменов, существующих в рамках индивидуального сознания, и феноменов, относящихся к социальной психологии.

Итак, переходя к терминологии, следует первым делом разобраться с понятиями «самозванчество», «самозванство» и «самозванщина».

Под «самозванством» предлагается разуметь мысли, чувства и действия индивида, решившего взять новое имя и/или статус – от момента, когда у него появилась идея изменить свою жизнь, до его саморазоблачения (публичного признания, что его подлинной ипостасью является та, что привычна для большинства знающих его людей и/или санкционирована властями).

«Самозванщина» – это совокупность отношений между самозванцем и его сторонниками (если таковые имеются). Она прекращается в тот момент, когда от самозванца публично отрекается последний сподвижник (таковым в данном случае является лицо, которое находится с ним в постоянном контакте – личном или опосредованном). Зарождается же этот феномен тогда, когда самозванец в своей мифической ипостаси «открывается» людям. Такое знакомство могло быть как очным (если самозванец объявлял о себе лично или молча шёл на поводу у тех, кто ошибочно принимал его за носителя высочайшего статуса), так и заочным (если самозванец «разглашал» о себе с помощью писем). Кроме того, оно могло происходить как в соответствии с планами самозванца, так и случайно, незаметно для него.

Для обозначения диалектического единства двух указанных феноменов – «самозванства» и «самозванщины» – предлагается термин «самозванчество».

Нужно договориться и о том, кого стоит причислять к «российским» самозванцам. Разумно относить к ним лишь тех, которые в своей мифической ипостаси не просто находились на территории Российского государства, но хотя бы недолго играли там свою роль, будучи на свободе. Иначе говоря, имеются в виду лица, которые либо родились в России, либо приехали из-за границы по своей воле (не были привезены под стражей). При этом в отдельную подгруппу можно выделить «советских» самозванцев.

Что касается «народного (низового)» самозванчества, то для правильного употребления этого эпитета следует разобраться с терминами «народ», «народные массы» и «трудолюбивые». Думается, вполне допустимо видеть их синонимами, обозначающими тяглое и полупривилегированное население – главным образом крестьян, посадских людей, низшее духовенство, рядовых стрельцов, солдат и казаков.

Теперь пора дать определение понятию «самозванец»:

1) это дееспособный индивид, который знающим его людям открыто (словесно или письменно) заявлял сам, или давал понять намёками, или убеждал их чужими устами, что он

не тот, за кого его принимают, и выдавал себя за носителя иного, нежели в действительности, имени и/или статуса, а от людей, не знакомых с ним, скрывал свои истинные биографические данные или искажал их, играя новую роль (неважно – взятую вследствие заранее обдуманного плана или спонтанной реакции окружающих); и всё это он делал прежде всего ради того, чтобы лично пользоваться плодами своих усилий;

2) это индивид, который, начав однажды играть новую социальную роль (даже если она была принята им под принуждением или в состоянии опьянения, аффекта, душевного расстройства), подкреплял соответствующие этой роли заявления (свои и/или чужие) целенаправленными действиями (если, конечно, он не был схвачен сразу после «объявления» о себе), выстраивал своё дальнейшее поведение так, чтобы оправдывать ожидания поверивших ему людей, пусть даже он общался с ними нерегулярно и тайно; при этом он либо вообще не отрекался от вновь принятой роли, либо делал это лишь под принуждением – со стороны окружающих или официальных властей;

3) это индивид, чьи заявления и притязания были признаны в целом недостоверными и необоснованными, причём признаны в качестве таковых как современниками, так и потомками (историками); это человек, который, даже убедив на время какую-то часть людей, в конце концов был разоблачён как обманщик (неважно – при жизни или после его смерти);

4) это человек, воспринимавший себя в новом качестве и/или так воспринимавшийся другими не «в шутку», а «всерьёз», не в игровой ситуации, а в обычной, повседневной жизни;

[с. 39]

5) это индивид, который претендовал на статус, входящий в число привычных или хотя бы известных и принципиально возможных для данного общества; это человек, прилагавший к себе эпитеты, не вызывавшие недоумения или смеха у окружающих, т. е. стремившийся (хотя бы мысленно) вписаться в наличную социальную структуру, найти себе место в ней.

Имеет смысл ввести термин «псевдосамозванец» – для обозначения, например, лица, которое стали воспринимать в новом качестве после его смерти, а также индивида, которого с детства воспитывали как царевича, который верил в своё высокое происхождение и не имел опыта «домифического» бытия²⁴. Данный термин применим и к человеку, который под видом другого лица вводит в заблуждение окружающих на короткое время, причём не стремится извлечь из этого практическую выгоду лично для себя, а если и стремится, то выгоду видит лишь в том, чтобы более комфортно существовать в своём привычном статусе или навредить иному лицу (тому, за кого себя выдаёт)²⁵.

Можно вспомнить подьячего М. Шошина, который в 1689 г. под видом боярина Л. Нарышкина объезжал по ночам стрелецкие караулы в Москве, намеренно раздражая и оскорбляя служилых людей. Он отнюдь не собирался круто менять свою жизнь, его задача была проста – вызвать гнев у стрельцов и направить его на Л. Нарышкина²⁶. Псевдосамозванцем был и солдат В. Долгополов, который в 1756 г., «желая отбыть себе... плетми наказанья», объявил командиру: «Ну ин де пусть я буду царскаго поколения»²⁷.

Критерии зачисления индивида в категорию «самозванцев монархического типа» представляются такими: 1) публичное притязание на статус представителя монаршей фамилии (причём не важно, берёт ли он имя реального исторического лица или просто называется «царём», «царским братом», «женихом государыни», «земным богом», «будущим императором» и т. п.); 2) стремление получить соответствующие новому статусу властные полномочия: либо инкорпорироваться в высшие эшелоны официальной власти, либо создать свою собственную, автономную сферу властвования – сформировать группу сторонников и добиться того, чтобы они беспрекословно его слушались, т. е. вели себя как его «подданные».

При этом надо полагать, что монарх – это не просто лицо знатного происхождения и правитель (ныне действующий или бывший) отдельного государства, хотя бы частично сохраняющего свой суверенитет, но и носитель харизмы, т. е. человек, чьи помыслы, поступки и моральный облик если не сакрализуются, то идеализируются окружающими. Правитель, передавший власть преемнику, сохраняет статус монарха. Сохраняет его и властитель в изгнании, – но лишь до тех пор, пока не поступит на службу к другому правителю или его бывшее владение не перестанет быть государством.

В состав монаршей фамилии, помимо собственно правителя, следует включать: 1) его ближайших кровных родственников – родителей, братьев и сестёр, сыновей и дочерей, племянников и племянниц, внуков (причём не важно – «законные» они или нет), 2) людей, вступивших или готовящихся вступить в брак с ним и его указанными выше родичами, 3) ближайших кровных родственников тех лиц, которые с ним так или иначе породнились.

Перейдём к разговору о методике изучения самозванчества.

Наряду с традиционными методами – такими, как описательный (составление самозванческих биографий) и сравнительный (сопоставление фактических данных о самозванцах между собой, а также с представлениями изучаемой и современной эпохи о нормальности/ненормальности), – следует активно применять системно-статистический анализ. Суть его в том, чтобы каждый случай самозванчества изучался примерно так:

1) социологический анализ биографии самозванца: настоящее имя; дата и место рождения; национальность; вероисповедание; социальное происхождение; грамотность и образование; основная профессия; постоянное место жительства; отношение к алкоголю; участие в войнах; дееспособность и

²⁴ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1896. Т. XVIII (35). С. 53; Станкевич А. Игумен Афанасий Филиппович и шляхтич Ян Луба. СПб., 1885.

²⁵ См.: Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 199.

²⁶ См.: Розыскные дела о Фёдоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 26, 125, 217, 235–236, 269, 278–279, 859–870, 885, 891, 901, 921–922, 932–933, 936, 963–972.

²⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 349. Оп. 2. Д. 6016. Л. 2 об., 6 об.

репутация до появления в новом качестве; физический облик; правовой статус, имущественное и семейное положение, занятия на момент «объявления» о себе; характер наказания; дата, место и причина смерти;

2) анализ психологии самозванца: дата появления идеи о самозванстве; первичные факторы и мотивы ее появления; поведение самозванца на людях до появления в новом качестве; наличие/ отсутствие эсхатологических ожиданий; критерии и механизмы самооценки в новом качестве; поведение при аресте и на допросах; дата и причины саморазоблачения (если таковое было);

3) анализ общественной реакции на появление самозванца: дата «объявления» самозванца о себе; обстоятельства «объявления» (место, время суток, ситуация, психическое состояние самозванца, число присутствующих, их социальный статус и предыдущие отношения с самозванцем, их реакция); доказательства своей «подлинности», предъявляемые самозванцем; поведение самозванца и окружающих в процессе общения после «объявления»; характеристика документов, написанных от имени самозванца (авторы, адресаты, степень и характер участия самозванца в их составлении, содержание); программа действий самозванца; район его деятельности; общее число его сторонников; дата его ареста; обстоятельства ареста (место, время суток, инициаторы и участники ареста)²⁸.

Большую пользу может принести и типологический метод. Во-первых, он позволяет создать общую классификацию российского самозванчества.

1. Светское самозванчество: а) *должностное* – человек изображает чиновника, офицера, владельца предприятия, управляющего и т. д.; в рамках данного вида можно отдельно выделить вельможное (сановное) самозванчество, если речь идёт о претензиях на статус министра, придворного, члена законодательного органа и пр., б) *титульное* – индивид выдаёт себя за «благородного» – дворянина, барона, графа и т. п., в) «*достославное*» – человек изображает известного писателя, героя, знаменитость из области искусства, спорта, шоу-бизнеса и т. д.; г) *монархическое (царственное)*.

2. Религиозное самозванчество: а) *степенное* – индивид выдаёт себя за носителя духовного сана и/или магической силы, сохранившего, однако, земную, человеческую природу (за церковнослужителя, предсказателя, колдуна, шамана, знахаря, непризнанного святого и т. п.), б) *теозическое* (от греч. «теозис» – обожение) – человек действует под именем Бога-Саваофа, Христа, Богородицы, архангела, ангела, апостола, официально признанного святого или кого-либо из персонажей Библии и других сакральных текстов.

Во-вторых, можно провести типологию одного лишь самозванства. Так, оно может быть «именным» и «статусным». Последнее – это не санкционированное официальной властью притязание на новую социальную позицию, которое, однако, не сопровождается отказом от своей истинной биографии и привычного для всех прозвания. «Именное» же самозванство имеет место тогда, когда человек не только самовольно получает новый статус, но и берёт имя реального лица (здравствующего или покойного). Таким образом, «именное» самозванство всегда опирается на «статусное», но не наоборот.

Изучению самозванства помогает и разделение его инициаторов на «авантюристов», «реформаторов» и «блаженных».

Под «авантюристами» разумеются индивиды, которые приняли на себя новое имя и/или статус только ради личной выгоды, которые даже не прикрывали свою корысть обещаниями популярных мер и привлекательными для народа лозунгами, а также добивались своих целей путём дополнительных (по отношению к факту самозванства) нарушений правовых и моральных норм, принятых в той среде, где они вращались.

«Реформатор» – это самозванец, который пытается сочетать личные интересы с интересами своих соратников и сторонников (неважно – искренне или только для виду). К этой же группе можно отнести и лиц, которые хотя не обещали провести социальные преобразования, но были замешаны в движениях социального протеста.

«Блаженный» самозванец желает лишь одного – «объявить» о себе, предстать перед людьми в новом качестве, при этом возможные последствия этого шага видятся ему в позитивном свете – он уверен, что его ждёт успех и даже официальное признание.

²⁸ Для оценки метода см: Усенко О. Г. Монархическое самозванчество в России... С. 309–342.

[с. 41]

Изложенный материал мог бы стать основой методологического консенсуса исследователей российского самозванчества. И если таковой сформируется, то постижение интересующего нас феномена пойдёт более быстрыми темпами, нежели сейчас.

[с. 42]
